

Виктор Мазин ЗАВЕЩАНИЕ ДОКТОРА ШРЕБЕРА

18+

библиотека журнала
ЛОГОС_

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Библиотека журнала «Логос»

Виктор Мазин

Завещание доктора Шребера

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2022

УДК 159.964.2
ББК 88.6

Мазин В. А.

Завещание доктора Шребера / В. А. Мазин — «Институт
экономической политики имени Е.Т. Гайдара»,
2022 — (Библиотека журнала «Логос»)

ISBN 978-5-93255-633-7

В книге рассматривается феномен паранойи, фундаментальным учебником по которой служат написанные пациентом психиатрической больницы Даниэлем Паулем Шребером в 1903 году «Мемуары нервнобольного». Виктор Мазин заново перечитывает книгу Шребера, пользуясь, главным образом, тремя ключами — психоаналитическим (Фрейд, Лакан), родственным ему медиа-философским (Киттлер, Стиглер) и культурно-историческим (Канетти, Сантнер). Паранойя Шребера обнажает истины эпохи — хитросплетения дискурсивных нитей научного спиритизма и неврологии, технологии нарождающихся средств массовой коммуникации и позитивизма, болезни власти и разложения закона. Деконструкция текста судьи Шребера, предпринимаемая Виктором Мaziным, не только прописывает кризис властных отношений конца XIX века, но и предписывает кризис идеологии неопозитивизма первых десятилетий XXI века. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.964.2
ББК 88.6

© Мазин В. А., 2022

ISBN 978-5-93255-633-7

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2022

Содержание

Введение	7
Глава 1	9
1. Конец света, власть и паранойя	9
2. Техники письма и промпаранойя 1900	13
3. Кризис закона – распад мирового порядка	17
4. Распад символической матрицы. «Несвятые времена» Даниэля Пауля Шребера	22
5. Завещание Шребера	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Виктор Мазин

Завещание доктора Шребера

© Виктор Мазин, 2022

© Издательство Института Гайдара, 2022

Введение

О Даниэле Пауле Шребере я узнал, читая работы Зигмунда Фрейда. Было это много лет назад, в 1980-е годы. Сначала я прочитал «Психоаналитические заметки об одном автобиографическом случае паранойи» Фрейда, затем «Мемуары нервнобольного» Шребера, после этого – множество самых разных интерпретаций этого случая. Конечно же, я не раз перечитывал третий семинар Лакана «Психозы», посвященный разбору случая Шребера. Затем вновь пришлось брать за «Мемуары» судьи. В 2010 году я написал на основании прочитанного и обдуманного книгу «Паранойя. Шребер. Фрейд. Лакан», которая вышла в издательстве «Скифия».

После этого, конечно же, я продолжал читать материалы о Даниэле Пауле Шребере и, конечно, перечитывать время от времени его «Мемуары», а также тексты о нем Фрейда и Лакана. По мере чтения значение Шребера для первых десятилетий ххi века в моих глазах постоянно возрастало, хотя, разумеется, его система не затрагивала и не могла затрагивать все аспекты нового мирового порядка, а точнее беспорядка, который стал складываться лет через семьдесят после его смерти.

Случай судьи Шребера дает возможность осмыслить паранойю как сверхдетерминированный феномен, в котором для нас речь идет не о необходимости вывести на первый план одну причину и понять её как основополагающую в образовании бреда, а о желании поддержать множественность прописываемых задним числом факторов, задающих траекторию плетения той дискурсивной паутины, в которой кристаллизуется паранойяльный бред. И, если кто-то из исследователей «Мемуаров нервнобольного» настаивает на том, что в центре этой паутины сидит Бог, то нужно учитывать, что у Шребера нет тех символических ресурсов, которые поддерживали бы в центре кого бы то ни было, будь то Бога, или свое собственное я. Мы увидим, что система судьи в психиатрической больнице пребывает в постоянном смещении, увидим, как герои его бреда меняются местами, как на первый план выходят то одни, то другие силовые линии, определяющие конфигурацию ролей, увидим, что никто не тождественен себе, что

одним из принципиальных понятий оказывается скорее «часть», чем «целое». В то же время благодаря завещанию Шребера увидим мы и алгоритм паранойяльной полярности, в которой переворачивается пол и судья превращается в невесту Бога.

В 2016 году я посетил Зонненштайн, клинику, в которой судья Шребер написал свои «Мемуары нервнобольного». После этого посещения мое желание еще раз перечитать его книгу и переосмыслить её только окрепло. Погружаясь в очередной раз в «Мемуары», я, похоже, стал забывать – отчасти, конечно, – Фрейда с Лаканом. И в этом забвении-усвоении, кстати, завет и Фрейда, и Лакана: читать Шребера! И – повторю еще раз – именно сегодня, в 20-е годы ххi века, до нас должно дойти его завещание.

Глава 1

Даниэль Пауль Шребер и истина паранойи

1. Конец света, власть и паранойя

В 1903 году выходит в свет книга, которая надолго станет объектом пристального изучения психоаналитиков, психиатров, философов, медиафилософов, теоретиков культуры и далеко не только их. Книга эта называется «Мемуары нервнобольного», автор ее – судья Даниэль Пауль Шребер, председатель Верховного суда Саксонии, кандидат в рейхстаг. Написана книга в психиатрической больнице Зонненштайн. В «Мемуарах» судья Шребер в деталях изложил свои переживания, страдания, видения, галлюцинации и связанную со всем этим теорию, объясняющую устройство Мирового порядка и свое место в нем. Книга произвела мощное впечатление и заставила надолго задуматься многих мыслителей хх века – Зигмунда Фрейда, Вальтера Бенямина, Жака Лакана, Элиаса Канетти, Жана-Франсуа Лиотара, Феликса Гваттари, Жюль Делёза, Фридриха Киттлера... «Мемуары нервнобольного» – книга, детально описывающая так называемое безумие, и она будет привлекать пристальное внимание читателей на протяжении всего двадцатого века. В конце хх – начале ххi века, сегодня, во времена радикальной Третьей промышленной революции, она, пожалуй, еще важнее. Судья Шребер – провозвестник грядущей эпохи, и сам он это знает. Он знает, что он – духовидец, он видит души, видит их насквозь, общается с ними, даже если они пребывают на отдаленных от Земли планетах. Он завещает свое знание о душах и свое выписанное в тексте тело потомкам. Духовидец видит будущее.

Шребер также знает, что старый мир рухнул, что наступила новая эпоха. Что это значит? Вторая промышленная революция изменила облик мира. Изменились и социальные отношения с другими, и система коммуникации, и медиасреда, и отношения с Другим, законом, властью. В конце хх – начале ххi века мы переживаем, судя по всему, еще более радикальную

промышленную революцию, которая откровенно расщепляет реальность и переводит человечество на цифровые платформы, меняя конфигурацию символического, воображаемого и реального. Меняется всё – понятия жизни и смерти, среда обитания человеческого субъекта, его психика, но прежде всего – власть и закон, прописывающий отношения между субъектом и другим и субъектом и Другим.

Даниэль Пауль Шребер оказывается в жерновах перемен конца XIX века. Его чувствительная душа остро реагирует на радикальные перемены. Дело не просто в безумии, и далеко не только в паранойе как психиатрической или психоаналитической категории, но – во власти, в её кризисе, её нехватке и её избытке. Кому как не судье Шреберу это знать?!

В последней главе своей знаменитой книги «Масса и власть», которая вышла в свет в 1960 году, Элиас Канетти проводит анализ власти и паранойи. Чтобы понять фашистскую паранойю, Канетти не раз обращается к Шреберу, чью книгу он купил в 1939 году и, спустя годы, основательно задавшись вопросом о паранойе, прочитал три раза подряд. «Мемуары нервнобольного» (1903) Даниэля Пауля Шребера, написанные в психиатрической больнице, и «Майн Кампф» (1923), надиктованная Адольфом Гитлером Рудольфу Гессу в тюрьме, становятся в XX веке самыми знаменитыми «учебниками» по паранойе. Канетти показывает: паранойя и фашизм страдают от одной и той же болезни – «болезни власти». Паранойяльная система Шребера есть не что иное, как «выражение борьбы за власть»¹. Принципиально важно, что в этой системе, в этой борьбе Шребер, в отличие от Гитлера, сорвался с карьерной лестницы, он не облечен властью, скорее является производным её избыточного влияния, даже если Канетти и сближает их мировоззрения, их системы видения Мирового порядка.

Возможна ли власть без паранойи? Не предполагает ли власть внутреннего безвластия? Не исходит ли паранойяльная угроза миру от неспособного совладать с самим собой властелина? Эхо этих вопросов разносится по страницам книги Шребера, переживающего Конец света. В конце концов, весь мир может быть принесен на жертвенный алтарь из-за притаившегося где-то рядом воображаемого – и от этого ничуть не менее реального – врага. Канетти со ссылкой на Шребера связывает отношение к этому «врагу» с «двойной страстью – к долговечности и к разрушению». При паранойе особенно остро воспринимается угроза своему *собственному я*. И угроза эта

преодолевается в двух направлениях: во-первых, огромным расширением пространства, которое, так сказать, отводится собственной личности, а затем достижением прочности «на века». Формулу о «тысячелетнем рейхе» при полностью развившейся паранойе нельзя считать проявлением нескромности. Все, что не есть он сам, надо искоренить или подчинить себе, причем подчинение – это лишь временная мера, оно легко оборачивается полным истреблением. Всякое сопротивление в сфере собственной власти совершенно нетерпимо².

Даже крушение паранойяльной империи ускользает от «собственной личности». Император не замечает распада. Он ведет с распадающимися другими непримиримую борьбу. Параноик не знает смерти. Он пребывает в зоне бессмертия. Он «лишь» приводит в действие машину смерти, Машину Судного дня. Если в паранойяльном психозе не существует радикально Другого, то не может быть и признания другого субъекта. В бесконечных удвоениях *воображаемого бес-порядка* возможно только чье-то бессмертие. Смерть повержена вместе с символическим Законом Жизни. Как можно убить того, кто не существует как смертный, под знаком смерти? Как можно убить того, кто и есть знак смерти, кто – сама Смерть?

¹ Канетти Э. Заметки. 1942–1972 // *Человек нашего столетия*. М.: Прогресс, 1990. С. 275.

² Канетти Э. Гитлер по Шпееру // *Человек нашего столетия*. С. 83–84.

Парадокс заключается в том, что параноик только и делает, что идет на – воображаемое или нет – уничтожение, разрушение, смерть, но делает это, потому что у него нет представления о смерти. Нет смерти в царстве бессмертия. Бессознательное не знает смерти. Убийство «нормализовано» не столько потому, что оно производится из благородных, высших побуждений, сколько потому, что оно неведомо. Понимания смерти нет, поскольку нет установленного символического порядка. Закон не ратифицирован, и в мире воображаемого хаосмоса царит бессмертие. Смерть невозможна еще и потому, по мысли Фрейда, что негативность, тем более абсолютная негативность смерти не представима в бессознательном. Лакан вслед за Фрейдом задается двойным вопросом об отрицании:

смерть ставит перед нами вопрос о том, что служит отрицанием дискурса. Но одновременно она ставит и другой вопрос: не она ли сама вводит в дискурс отрицание? Ибо отрицание в дискурсе, вызывающее в нем к бытию то, чего нет, отправляет нас к вопросу о том, чем же именно заявляющее о себе в символическом порядке небытие обязано реальности смерти³.

Отсутствие, всегда уже задействованное в символическом, оказывается сопряженным со смертью как с невозможным, неизвестным, *реальным*. Распад символической матрицы ведет к отрицанию того отрицания, которое несет признание смерти, смертности другого. Никто не умирает, в бессознательном все живы. Так говорит Фрейд о мире сновидений. Его слова постепенно начинают описывать в том числе и глобальный бессознательный онейроид паранойяльного мира, в котором нет ни смерти, ни времени, ни энтропии. Голоса раз за разом напоминают Шреберу, что вечность беспредельна, и отмена времени дезориентирует пространство, раздвигает его пределы до бесконечности, открывая пропасть за пропастью. И смерть есть не что иное, как изменение состояния нервов: наяву одно состояние, во сне, в бессознательном, в смерти – другое. Нервы меняют свое состояние при переходе в вечность. Никакой негативности. Во всяком случае никакой смерти, пока действует телекоммуникация с божественными лучами: «На самом деле у меня очень сильные сомнения на тот счет, что я вообще смертен, во всяком случае, пока длится связь с лучами, *Strahlenverkehr*»⁴. Даниэль Пауль уверен, что ни один яд, даже самый сильный, не причинит ему никакого вреда. И вот еще какая здесь действует логика: человек – венец творения, и план творения «заклучался в создании его по образу и подобию Бога как существа, которое после смерти опять преобразуется в Бога»⁵. Пока действует нервно-лучевая коммуникация с Богом, бессмертие гарантировано. Почему лучевая связь должна прерываться, если налажена она не Шребером, а самим Богом? Вечность связи с лучами, впрочем, нужно выстрадать.

Вечность – одно из тех понятий, которые, как пишет Даниэль Пауль, понять более чем сложно. Людям трудно помыслить что-либо, не имеющее ни начала, ни конца. Как помыслить причину, за которой нет причины? Вопрос вечности ставит перед судьей Шребером проблему каузальности. В то же время вечность – один из атрибутов Бога, и «божественное творение – творение из ничего»⁶. Во всяком случае, разумом это положение не понять, его не понять, как говорит Шребер, с помощью «нашей позитивной религии»⁷. Творение из ничего – символическое творение, точнее творение символического, и негативность *ex nihilo* в него вписана.

Однако Сын Божий как его творение воплощен в человеке, и рассуждения Шребера смещаются в сторону вопроса о сексуальности, но только для того, чтобы отрицать возможность

³ Лакан Ж. (1954). Предисловие к комментарию Жана Ипполита на статью Фрейда «Verneinung» // *Семинары. Книга I. Работы Фрейда по технике психоанализа* / Пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис/Логос, 1998. С. 391.

⁴ Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2003. S. 112.

⁵ Ibid. S. 175.

⁶ Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. S. 2.

⁷ Ibid.

сексуальных отношений: то, что Иисус Христос – Сын Божий, можно понимать исключительно в некоем таинственном смысле, поскольку никому не придет в голову полагать, что у Бога есть сексуальные инструменты, *Geschlechtswerkzeuge*, и он вступает в сексуальную связь с женщиной, от которой появляется на свет Иисус Христос. Вечность не предполагает причины, следствия, пола, рода, инструментов, начала, конца, рождения и смерти.

«А смертен ли я вообще?»⁸, – задается Даниэль Пауль риторическим вопросом, ведь совершенно определенно ясно одно: пока он в контакте с божественными лучами, смерть ему не страшна, и даже если он умрет, то будет воскрешен, и будут восстановлены его жизненные силы. Как сегодня это происходит в кино, компьютерной игре или анимации. Сегодня, кстати, виртуальные технологии и ненасыщаемое потребление вносят свой вклад в возможности безграничного расширения воображаемой империи бессмертия, очередного «тысячелетнего рейха». Безграничное пространство раздвигает границы времени. Оно необратимо и ненеобратимо. Его просто нет, и оно *всегда уже* есть. И потому вполне можно покончить с собой в этом мире и продолжать существовать в мире виртуальном. Цифровая революция меняет отношение к смерти и к жизни, меняет сами понятия жизни и смерти. Творцы Сингулярности обещают царство бессмертия и непреходящего наслаждения. Впрочем, это уже речь о сегодняшней революции, о новой машине тотального контроля, о новой машине влияния, о *Системе записи 2000*. Резонанс между двумя революциями и призывает нас вернуться на сто с лишним лет назад, чтобы обратиться к завещанию Даниэля Пауля Шребера.

---

⁸ Ibid. S. 212.

2. Техники письма и промпаранойя 1900

1900 год. Болезнь власти. Кризис власти. Смена парадигмы, смена курса в политике знания. Судья Шребер в центре этих трансформаций разлома времени на рубеже веков. Вторая промышленная революция идет полным ходом. Происходит смена средств массовой коммуникации; телеграф, телефон реорганизуют пространство, сжимают время, и автомобиль с двигателем внутреннего сгорания им в помощь. Меняются отношения между людьми, меняются отношения между полами. Производство выходит на поток. Мировой порядок ускоряется. Как человеку без истерии, без паранойи встроиться в радикально меняющийся мир, частью которого является он сам? Как ему окончательно не превратиться в *homo industrialis*? Или, напротив, превратиться?

Сегодняшняя паранойя предельно массмедиальна и высоко технологична. От техники нервно-теологической коммуникации Шребера она переходит к одухотворяющему вовлечению в паранойяльную конструкцию мобильных телефонов, автомобильных навигаторов, цифровых телевизоров, умных домов и приборов, дронов и повсеместных камер слежения.

Конец того света, который был светом Шребера, мы переживаем сегодня. Апокалипсис перехода в цифровую вселенную сопровождается тем, что когнитивные науки вместе с науками о мозге и компьютерными технологиями открывают перспективу неопосредованного символическими координатами соучастия в мышлении и переживании других людей. Мечта ученых *Системы записи 2000* между тем уже была отчасти осуществлена. Где? В бреду Даниэля Пауля Шребера, принадлежащего *Системе записи 1900*. Понятно, что судья Шребер ничего не говорит о компьютерных технологиях, но он говорит о телекоммуникации, не требующей символического опосредования. Если сегодня речь идет о том, что цифровая машина должна быть подключена к нервным системам людей, и тогда они через нее смогут обмениваться информацией, то в системе Шребера возможно просто подключение нервов одного человека к нервам другого, и не только человека. Сохраняет ли Шребер в этой телекоммуникативной среде свою сингулярность? Какая уж тут сингулярность, какая уж тут идентичность, если Шребер в своей паранойе вовлечен в разворачивающуюся на полную катушку сверхъестественную коммуникацию, в обмен мыслями, переживаниями и даже головами.

Паранойя технологична. Как говорит Филип Дик, паранойя случается не тогда, когда тебе кажется, что твой начальник плетет против тебя заговор, но когда в этот заговор вовлечен его телефон⁹. Машина влияния запущена. Машина преследования работает на полную мощность по линиям телекоммуникаций. Машина работает. Система записи регистрирует следы, и письмо жизни дает почувствовать жизнь:

В том, что у человека внутри, в его чувстве жизни, в самой его жизни, Бог ничего не смыслит – он воспринимает эту жизнь, лишь начиная с момента, когда все превращается в одну бесконечную запись¹⁰.

Бог судьи Шребера – это Бог письма, системы записи. Это не только древнеегипетский Тот, бог письма и смерти, но и Бог письма жизни. Бог письма – Бог бессмертия, вечности. Если нет записи, то нет и существования, если запись есть, то существование безвременно. В этом смысле Бог Шребера – Бог бюрократии. Первым делом нужно зарегистрироваться. В цифровой *Системе записи 2000* необходимость регистрации в сети станет непреложным принципом существования: не оставил письменный след в сети – не существуешь.

---

⁹ Сегодняшний «телефон», смартфон, вовлекается в заговор уже не метафорически. Парадигматическим примером паранойи-2020, принадлежащей *Системе записи 2000*, могут служить антенны 5G. Именно эти антенны вместе с идеей тайного чипирования, а затем и уничтожения человечества в результате заговора оказались принципиально важными летом 2020 года.

¹⁰ Лакан Ж. (1955/1956). *Семинары. Книга iii. Психозы* / Пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис/Логос, 2014. С. 174.

1900 год. Шребер поглощен записями, захвачен письмом. Он не может остановиться. Он пишет. Пишет письма в земельный суд и другие судебные инстанции, пишет письма своей жене и меморандумы директору психиатрической больницы, делает заметки, редактирует «Мемуары». Во время редакции, конечно же, происходит очередная переинтерпретация переживаний, их перерегистрация. Оригинальные рукописные заметки, равно как и первая редакция книги, не сохранились. Так или иначе, а Шребер в деталях выписал свои переживания, и выписывал он их в тот момент, когда само письмо претерпевало радикальные изменения. Шребер верит в мощь письма, он знает, что все божественные чудеса, которые врачи называют патологическими процессами, «бессильны перед лицом мыслей, выраженных на письме»¹¹. Да, чудеса пытаются парализовать пальцы пишущего, но ничто не остановит машину письма Даниэля Пауля Шребера. Он должен отправить свое завещание потомкам, отправить его в будущее, в вечность.

Шребер записывает. Он – писатель, и Лакан упоминает Шребера в связи с другими авторами – Хуаном де ла Крусом, Жераром де Нервалем и Марселем Прустом. Он их не сравнивает, но при этом находит созвучные мотивы. Например, испанский мистик xvi века Хуан де ла Крус «тоже описывает отношения души с Богом как супружество»¹². Впрочем, в отличие от Шребера, трое вышеперечисленных авторов – еще и поэты, и «поэзия – это творение субъекта, усваивающего новый порядок символических отношений к миру. В *Мемуарах* Шребера ничего подобного нет»¹³. Лакан не сомневается в том, что Шребер – писатель, но при этом – не поэт, и это важно в связи со способностью к метафоризации, в связи с поэтическим преображением мира, учреждающим новый символический порядок. Подтверждение словам Лакана мы находим у Шребера, который пишет, что он не поэт, что он всегда шел «в направлении холодной рассудочной критики, а не творческой активности ничем не обузданного воображения»¹⁴.

Шребер записывает. Он пишет не только «Мемуары», но и делает небольшие заметки. Годами записывает он свои впечатления в маленьких записных книжках, нумеруя их и проставляя даты. Он не сомневается, что данные, которые он регистрирует, послужат важнейшим источником для совершенно новой религиозной системы. Он также осознает, что понимание сверхъестественного дано далеко не всякому читателю, но главная цель этих заметок – «прояснить соответствующие вопросы отношений себе самому, и потому им не достает объяснений, необходимых другим людям»¹⁵. Одно дело уяснить что-то себе и совсем другое – дать понять другим.

Шребер записывает. Началось все с пометок в календаре. В 1897 году у него появляются все необходимые письменные принадлежности; и как только в его распоряжении оказались блокнот и цветные карандаши, он тотчас приступил к записи своих переживаний. Теперь он пишет регулярно. Тогда же, в 1897 году, начинает вызревать план «Мемуаров». Наброски будущей книги и её план были записаны в маленькой коричневой книжечке под названием «Из моей жизни». Были и другие записные книжки, например, поименованные литерами В, С и I. Многие из этих записей, к сожалению Даниэля Пауля, не вошли в публикацию, и так они и останутся для читателей недоступными свидетелями «откровений, которые были несоизмеримо богаче, чем то, что я смог включить в ограниченное пространство „Мемуаров“»¹⁶. Шребер пишет, и его письмо выходит за пределы книги.

¹¹ Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. S. 298.

¹² Лакан Ж. *Семинары. Книга iii. Психозы*. С. 104.

¹³ Ibid. С. 105.

¹⁴ Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. S. 47.

¹⁵ Ibid. S. 137.

¹⁶ Ibid. S. 143. Некоторые фрагменты из записных книжек Д. П. Шребера все же включил в «Мемуары». Они служат доказательством фактичности того или иного воспоминания (см., например, запись из *Маленьких Исследований* xiii, датированных 16 января 1898 года и включенных в записную книжку В (Ibid. S. 164–5)).

Фридрих Киттлер отмечает, что книга Шребера написана во времена, когда гегемонии алфавитного письма пришел конец. Именно гегемонии, но не алфавитному письму. Появились другие системы регистрации голоса и другие средства его передачи: фонограф, граммофон, кинематограф, телефон, радио. Фридрих Киттлер называет новую систему Системой записи 1900 года. Понятие система письма, записи, регистрации, *Aufschreibesystem*, он заимствует у Даниэля Пауля Шребера. Вот что принципиально важно: сам судья Шребер – симптом, возникший на стыке двух систем записи, или, словами Киттлера: «„Мемуары“ находятся в состоянии войны, ведут войну со второй системой записи»¹⁷. Впрочем, именно эта дискурсивная война и выписывает систему, точнее – выписана ей.

О Системе записи Даниэль Пауль Шребер в первую очередь сообщает, что она непостижима, ее невозможно объяснить людям, да и ему самому она представляется непредставимой, непостижимой, *unbegreiflich*. Негативность оставляет машину письма за кадром. Система записи скорее относится, в терминах Лакана, к регистру *реального*, точнее она находится на пределе *реального* и *символического*. Радикальная формула такова: «Письмо, буква – это в *реальном*, а означающее – в *символическом*»¹⁸. Представление системы письма дает сбой, её не сформулировать, не передать, но можно испытать на своих собственных нервах, поскольку она мучительно не перестает не писаться. Система записи из своих пределов вновь и вновь возвращает уже приходившие раньше в голову мысли. И этот возврат, *der Wiederkehr früherer Gedanken*, приносит Шреберу невыносимые страдания, в том числе причиняет и телесные муки. Система записи Шребера основана на полной недоступности для человеческого мышления, она – отход от мышления. Система записи – в *реальном*, и мы, люди, – её эффект в символическом.

Система записи 1900 отмечена тем, что галактика Гуттенберга утрачивает свою гегемонию; и начинается поступательное смещение в сторону галактики Тьюринга. Даниэль Пауль Шребер – симптом эпохи перемен; он не просто общается с Богом; его Бог, «в отличие от того Бога, в которого верят христиане, – божество информационных каналов, наподобие тех, что построили Маркони и Сименс»¹⁹. Да Шребер и сам подчеркивает, что с божественными лучами у него связь, наподобие телефонной. Говоря о криках о помощи, которые он слышит, Шребер сравнивает поступление чудесного сигнала с телефонной связью:

фибры лучей протягиваются к моей голове наподобие телефонных проводов; слабый звук криков о помощи, исходящий явно с огромного расстояния, слышен только мне, так же как телефон слышен только адресату, тому, кто у телефона, но не кому-то третьему, кто находится где-то между отправителем и получателем²⁰.

Голоса призывают Шребера на помощь. Они раздаются издалека, доносятся по виртуальному телефону. И слышны они благодаря чудесной телетехнологии. Шребер свидетельствует о чудесах техники, о грядущей революции в средствах массовой коммуникации, о беспроводной телесвязи. В случае Шребера голоса передаются из различных уголков галактики без содействия электричества, но аналогия с линиями электропередач здесь имеется. Электричество служит средством связи, передает сообщения на расстояние, причем без временных затрат, и «фактически является „духовным“ процессом»²¹. Для Шребера, скорее всего, была общим

¹⁷ Kittler F. *Aufschreibesysteme 1800/1900*. München: Wilhelm Fink Verlag, 2003. P. 358.

¹⁸ Лакан Ж. Лекция по литурагерпе // *Лакан в Японии*. спб.: Алетейя, 2012. С. 58.

¹⁹ Kittler F. Flehsig, Schreber, Freud: An Information Network at the Turn of the Century // *The Truth of the Technological World*. Stanford University Press, 2013. P. 66.

²⁰ Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. S. 232.

²¹ Hagen W. Warum sagen Sie's nicht (laut)? // Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2003. S. 356.

местом связь не только духовного, но и телесного с электричеством, ведь связь эта прослеживается в научном дискурсе с XVIII века, по меньшей мере начиная с Луиджи Гальвани, для которого электричество – качество органического; и уж точно Даниэлю Паулю Шреберу был знаком Иоганн Вильгельм Риттер, ученый, близкий романтикам философ, который в начале XIX века писал о том, что электричество – феномен, объединяющий человека и окружающую его природу.

Шребер переживает времена повсеместного распространения электричества и построения на его основе новых систем регистрации – Системы записи 1900; он – свидетель Второй промышленной революции, модернизации. Вот только сам он не столько на стороне модернизации, модерна, сколько на стороне противомодерна, *Gegenmoderne*, если воспользоваться словами Вольфганга Хагена: Шребер не столько на стороне «Герца, Гельмгольца или Эйнштейна, сколько на стороне противомодерна, на стороне Шеллинга, Фехнера, Цёлльнера, Геккеля, Дюпреля и фон Гартмана. Именно их книги читал Шребер»²².

Новый век – новая письменность: Система записи 1900 года. Судья Шребер приступает к написанию своего фундаментального труда, «Мемуаров нервнобольного», и этот же год отмечен рождением психоаналитической библии. Именно этот год ставит издатель «Толкования сновидений» Франц Дойтике на книге Фрейда²³. Фрейд прокладывает свой путь к субъекту, и путь этот связан со словом, причем исторически это происходит

в то время, когда биотехнологии Флексига и медиатехнологии Эдисона изыали власть слова, Фрейд, в отличие от своих современников, выписывает то, что можно услышать в лечении разговором. Ни одна из наук не шествовала более буквальным путем, чем психоанализ²⁴.

Слово, его власть – в том числе и слово Шребера – вот что находится в центре внимания Фрейда, слово бессознательного, и слово это связано с желанием и Законом. Закон обнаруживается на письме. Закон Буквы оборачивается Буквой Закона. Кому как не судье Шреберу это знать?

---

²² Ibid. S. 356.

²³ По факту книга вышла в свет 4 ноября 1899.

²⁴ Kittler F. *Flehsig, Schreber, Freud...* P. 67.

3. Кризис закона – распад мирового порядка

Распространение паранойи, конечно же, сопряжено не только с технологическими революциями XX века, но и связано с трансформацией фигуры Законодателя и Буквы Закона. В 1918 году Вальтер Беньямин покупает в одном из букинистических магазинов Берна «Мемуары нервнобольного» Даниэля Пауля Шребера. Под впечатлением от этой книги он пишет эссе «К критике власти» [*“Zur Kritik der Gewalt”*]. В критике власти, силы, насилия [*Gewalt*] история Шребера обретает свое политическое измерение. В центре этой истории оказывается Закон. В интерпретации Сантнера, Беньямин показывает самосоотнесенную тавтологичность закона формулой «Закон есть закон». Правоустановление как установление власти всегда уже «есть акт непосредственной манифестации насилия»²⁵. Насилие изначально, тем самым гниение, распад, разложение закона являет собой его «нормальное» состояние. Это представление о распаде частично подвергается отклонению [*Verleugnung*], частично – вытеснению [*Verdrängung*]. Вальтер Беньямин не упоминает в своем эссе Шребера, но, по крайней мере, один пассаж может прямо или косвенно к нему отсылать:

Это божественное насилие обнаруживает себя не только в религиозных преданиях, оно скорее являет себя – и в современной жизни – по меньшей мере в одной священной манифестации. Одна из форм его проявления – это воспитательное насилие, которое в своей законченной форме находится вне права. Итак, формы правления божественного насилия определяются не тем, что сам бог осуществляет насилие непосредственно в чудесах, а моментами бескровного, разящего, испугательного исполнения его²⁶.

О чудесах воспитания Даниэля Пауля Шребера его отцом-ортопедом нам еще предстоит достаточно подробно поговорить, а сейчас отметим, что божественное насилие как проявление божественных чудес, можно сказать, образуют архитектуру всего текста судьи Шребера. Судьба Даниэля Пауля – испытывать на себе насилие распадающегося закона, насилие божественных лучей. Какое место закон предписывает судьбе Шреберу? Какое место может занять в символической вселенной этот исполнитель закона? Или ему нет в ней места в силу творящегося беззакония?

Если у судьи и есть место, то чудесное, чудом сотворенное. Чудо, *Wunder*, – одно из ключевых понятий словаря Даниэля Пауля Шребера. Чудо – то, что принадлежит порядку сверхъестественного. Каких только чудес не бывает! Здесь и чудом сотворенные птицы, и чудеса преобразований, разрушений и исцелений, которые претерпевает тело Шребера, и чудо рычания, и чудо привязанности к небесным телам, и чудо дефекации, и чудо тепла и холода, и чудо управления взглядом, и чудеса нервно-лучевой телекоммуникации. Вокруг и внутри, сплошь и рядом чудеса чудом сотворенного, *angewundert*, мира. Даниэлю Паулю это хорошо известно.

Эрик Сантнер в своем расследовании дела судьи Шребера отмечает: «Мемуары нервнобольного» повествуют не просто об отдельно взятой истории паранойяльного субъекта, но о жуткой истории массивированного возвращения вытесненного знания, знания о загнивании Закона. Ведь сам Шребер, утверждая, что человеческая раса вымерла, повторяет вслед за Гамлетом: неладно что-то в государстве Датском, что-то в нем прогнило, *there is something rotten in the state of Denmark*, и добавляет: что-то «прогнило в отношениях между Богом и людьми»²⁷. Подобно Гамлету, отмечающему вывих времени (*“The time is out of joint”*), Шребер отмечает

²⁵ Беньямин В. К критике насилия // *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М.: ргу, 2012. С. 89.

²⁶ Там же. С. 91.

²⁷ Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. S. 148.

вывих Мирового порядка, делегитимацию отношений между Богом и людьми. Сам Мировой порядок распался, свихнулся, «вывихнулся из суставов, *aus den Fugen gegangen ist*»²⁸.

Вселенная нервнобольного судьи вскрывает опухоль ядра закона. Даниэль Пауль Шребер свидетельствует о наступивших временах кризиса; и кому как не ему, стремительно делающему карьеру юристу, этого не знать. Кризис судьи Шребера – кризис Закона. Когда «социальные антагонизмы достигают в обществе наивысшего напряжения, „гниль закона“ начинает истекать из своих обычно ограниченных пределов. Именно в такой момент Даниэль Пауль Шребер получает символическое назначение на должность президента сената Верховного суда Саксонии»²⁹. «Собственная частная Германия» Шребера, как называет ее Эрик Сантнер, пребывает в состоянии кризиса Закона. Закон действует тогда, когда не осознается, когда он признан и вытеснен. Кризис Шребера – возвращение вытесненного, точнее того, что вытесненным быть не может, паранойяльного слома процесса вытеснения.

Кризис судьи Шребера – галлюцинаторное возвращение распадающегося Закона. Паранойяльное знание Шребера показывает картину распада, и знание это не складывается в единую целостную картину. Вытесненное возвращается как будто бы извне, из «внешнего бессознательного», и как будто из будущего. Шребер без всякого смущения выговаривает не только свои секреты, о чем пишет Фрейд, но еще и тайны истории современности, тайны «собственной частной Германии», тайны распада времен. Даниэль Пауль описывает кризис наук и Просвещения, крушение отношений между людьми и Богом, распад пола и рода, развал Мирового порядка, разложение Закона. Судья Шребер в центре водоворота исторических событий на земле и событий, разворачивающихся на небесах.

Между Мировым порядком и Богом – разлад. Между Богом и человеком – разлад. Между Мировым порядком и человеком – разлад, хотя Шребер уверен, что Мировой порядок выступает на его стороне, и это хоть как-то восстанавливает справедливость в ситуации «неравной схватки между одним слабым человеческим существом и самим Богом»³⁰. Мировой порядок, по свидетельству Шребера, как раз и обнаруживает свое возвышенное величие в том, что может отринуть даже самого Бога, замыслившего деяние, противоречащее Мировому порядку. Мировой порядок, как говорит судья Шребер, – это «законные отношения, существующие между Богом и призванным Им к существованию творением»³¹.

Даниэль Пауль Шребер логично отмечает, что сама идея моральности может существовать только в пределах Мирового порядка, тех самых «естественных уз, которые объединяют Бога и человечество; и там, где Мировой порядок нарушен, там только вопрос силы, власти принимается в расчет, и решающим становится право сильного»³². Так мораль основывается не на том или ином общественном благе, а на силе, на противозаконном насилии власти. Основной моральный закон – право силы. Моральный авторитет в мире беспорядка – тот, кто физически сильнее, тот, кого ставят в позицию силы, кого с благоговением называют сильной рукой. Нарушение Мирового порядка ведет к аморальной морали, сведенной к власти силы, к грубому насилию власти. Нарушение Мирового порядка – разрушение Закона, учреждение беззаконного закона насилия.

Мировой порядок нарушен, а он представляет собой чудо, чудесную структуру, «чудо-строение», *wundervoller Aufbau*. Мировой порядок, на взгляд Шребера, – «самое возвышенное из всех понятий, выработанных в ходе истории человечеством и народами о своих отно-

²⁸ Ibid. S. 174.

²⁹ Santner E. *My own Private Germany. Daniel Paul Schreber's Secret History of Modernity*. P.; N. J.: Princeton University Press, 1996. P. 16.

³⁰ Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. S. 45.

³¹ Ibid. S. 45.

³² Ibid. S. 44.

шения с Богом»³³. Однако был ли этот порядок когда-либо порядком? Какие места в этом порядке должны занимать люди и Бог, чтобы он стал порядком? Не только люди, но и Бог не обладает целостностью и полнотой. Он не обладает «тем абсолютным совершенством, которое ему приписывает большинство религий»³⁴. Бог Шребера не облечен всей полнотой власти, всемогуществом. Он, можно сказать, *не-весь*. Воображаемым полновластием, всемогуществом обычно наделяют себя те, кого называют «фюрерами лучей». В случае Шребера это место отдано Флексигу. Доктор Пауль Эмиль Флексиг – самооблеченный полновластием предводитель – солнечных, божественных – лучей.

Бог испытывает Шребера и превращается в аппарат пыток, в *машину влияния*; и за каждым словом, сказанным врачом или кем-то еще, Даниэль Пауль обнаруживает благодаря записанному материалу *Aufschreibematerial*, божественное влияние. За высказанным человеком словом обнаруживаются божественное измерение письма, записи, регистрации. В какой-то момент запись достигает одного из своих пределов, расширяется до того, что включает в себя «подавляющее большинство слов, встречающихся в человеческом языке»³⁵. Бог информационных каналов записывает, переводит, передает слова на любые расстояния. Бог информационных каналов – составитель безграничного архива языка, находящегося в постоянном пользовании. Архив этот везде и нигде, но главное – он на связи.

В марте 1894 года у Шребера открывается прямой канал телесвязи с Богом. При этом Бог из того, на ком держится Мировой порядок, превращается в чудесного мучителя одной отдельно взятой души, души Даниэля Пауля Шребера. Однажды ночью Бог является судье и обращается к нему могучим низким голосом, голосом отнюдь не дружелюбным: “*Luder*”. Что это обращение значит? *Luder* – падал, падший, а точнее все же в женском роде: негодница, дрянь, сучка, распутница, шлюха, стерва. Это слово относится к судье Шреберу, к кандидату в рейхстаг? Да, он пал. Да, он не выдержал нервного напряжения и оказался в психиатрической больнице. Да, он пал, и Бог «мог, считая субъект уничтоженным, оставить его, *liegen lassen*»³⁶, смог оставить его одного, лежать и разлагаться. Брошенный на произвол судьбы, Шребер оставляет этот мир. Его место определено обращением Бога. Бог своим именованием предписывает место: место Шребера в этом мире помечено словом *Luder*, его место – место *Luder*. Его место уже не в этом мире. Он пал. Он выпал из него. Лакан называет этот момент переживаний Шребера, момент, когда «Ариман, низший бог, явился к Шреберу во всем блеске своего могущества и позвал его простым и, если верить пациенту, обычным в фундаментальном языке словом *Luder*»³⁷, точкой надира. Надир – понятие из астрономии, означающее низшую точку, которую небесное тело достигает в движении по видимой орбите. Надир – антипод зенита. Шребер в своем беспредельном падении оказывается на самом дне космического пространства.

Разве слово *Luder* относится только к Шреберу? Нет. Эхом оно возвращается к Богу. «Бог – это шлюха»³⁸. Это и Его падение. Это и Его распад. Распад Его Закона. Потому Шребер – и падал, и шлюха, оставленная, покинутая Богом. Лакан, называет эту оставленность Шребера, его позицию *liegen lassen*, фундаментальной, поскольку именно она делает «возможным

³³ Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. S. 15.

³⁴ Ibid. S. 21.

³⁵ Ibid. S. 222.

³⁶ Лакан Ж. (1958). О вопросе, предваряющем любой возможный подход к лечению психоза // *Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда* / Пер. А. К. Черноглазова. М.: Русское феноменологическое общество, Логос, 1997. С. 112.

³⁷ Лакан Ж. *О вопросе, предваряющем любой возможный подход к лечению психоза*. С. 123.

³⁸ Там же. С. 131: «Итак, последнее слово, где „внутренний опыт“ нашего века подвел себе самому итоги, прозвучало пятьюдесятью годами раньше, чем мы думали, – в теодицее, орудием которой является Шребер: „Бог – это шлюха“» (там же). И в примечании мы читаем: «В оригинале “*Die Sonne ist eine Hure*” (S. 384 – app.) Солнце для Шребера – это главный облик Бога. Внутренний опыт, о котором мы говорим, нашел свое выражение в творчестве Жоржа Батая. В повести „Мадам Эдварда“ он описывает наиболее крайние его формы» (там же, с. 136).

образование первичной символизации Матери»³⁹. Эта субъективирующая символизация осуществляется через подчинение. Шребер пассивен, но не просто сам по себе, не просто лежит, а брошен, оставлен лежать. Без Другого здесь дело не обошлось.

Первичная символизация Матери – символизация божественного всемогущества, Бога Языка. За Богом Шребера, за его то и дело распадающимся богом обнаруживается материнская фигура. Власть и язык, родной, материнский, *Muttersprache*, на её стороне. Бог Шребера не без женского основания, невозможен без лингвистической основы материнского языка.

Бог проводит в отношении Шребера свою политику. И Шреберу она не по душе, не нравится ему *система* политики Бога. Бог ведь по своей воле может в любой момент уничтожить неугодного ему человека. Бог подобен человеку, и если Его интересы

сталкиваются с интересами отдельного человека, народа (можно вспомнить Содом и Гоморру!) или, возможно, даже с интересами населения всей планеты (в силу возрастание нервозности и разврата), тогда у Бога так же, как у любого другого одушевленного существа, просыпается влечение самосохранения, *Selbsterhaltungstrieb*⁴⁰.

Пробуждение влечения самосохранения Бога вызвано нарушением Мирового порядка. Какие при этом интересы у Бога? Сохранение и усиление власти, разумеется, он ведь не кто иной, как властитель, «этот Бог сидит в центре своей политики как паук в центре паутины»⁴¹; этот устрашающий Бог – Бог кары небесной. И в то же время – это Бог удаляющийся, оставляющий созданный им мир. Он сотворил мир и его покинул. Покинул мир – покинул Даниэля Пауля Шребера. Оставил его тело лежать и разлагаться. Впрочем, возможно, дело обстоит еще более сложным образом: раскол произошел не (только) между Богом и человеком, а в самом Боге, который покинул самого себя.

В марте 1894 года наступает время первого Страшного суда. У Шребера не прекращаются эсхатологические видения. Эсхатология Шребера несет в себе явный политический резонанс, звучащий между землей и небом: в результате кризиса, разразившегося на небесах, Германии может быть отказано в привилегии быть избранным Богом народом. Первый Страшный суд вызван ослаблением арийцев, и ослабление это происходит на фоне усиления влияния католицизма, еврейства и славянства. Казалось бы, при таком политическом раскладе судья Шребер должен с помощью Бога спасти арийцев, но Бог избирает иную стратегию. Он предлагает Шреберу разные роли, в том числе и монгольского князя:

Открывшаяся передо мной перспектива стать монгольским князем явилась для меня указанием на то, что все арийские народы показали свою неспособность стать опорой Божьего царства, и как к последней надежде пришлось обращаться к неарийским народам⁴².

Так можно и проиграть борьбу культур, культуркампф. *Kulturkampf* – борьба культур, которую правительство Германской империи во главе с канцлером Отто фон Бисмарком вело за установление государственного контроля над Римско-католической церковью начиная с 1870-х годов. Борьба между протестантами и католиками за культурное и политическое господство активно развернулась как раз в те годы, когда Даниэль Пауль Шребер делал карьеру в германском судопроизводстве. Неудивительно, что культуркампф разыгрывается в его психическом пространстве.

³⁹ Там же. С. 115.

⁴⁰ Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. S. 22.

⁴¹ Канетти Э. (1960). *Масса и власть*. М.: акт, 2019. С. 543.

⁴² Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. S. 63.

Борьба культур разворачивается не только на земле. И не только Бог ответственен за роли Шребера. Роли эти связаны с процессом перемещения душ, своеобразной их миграцией, *Seelenwanderung*. Миграция душ позволяет Даниэлю Паулю не консолидироваться на каком-то одном полюсе паранойи, не останавливаться на какой-то одной идентичности. У него своя особая миссия в Мировом порядке. Да, он в центре мировых событий, но он не центрирован в отношении самого себя. Шребер не тождествен Шреберу. Ему довелось быть «гиперборейской женщиной», «послушником-иезуитом в Оссегге», «бургомистром Клаттау», «Эльзасской девушкой, которая вынуждена спасти свою честь от победоносного французского офицера» и наконец – «монгольским князем».

4. Распад символической матрицы. «Несвятые времена» Даниэля Пауля Шребера

Как известно, через несколько лет после публикации «Мемуаров нервнобольного» особый интерес к этой книге проявил Зигмунд Фрейд. Интерес этот отнюдь не был ограничен эпистемологическим желанием разобраться в структуре паранойяльного психоза. К тексту помещенного в психиатрическую больницу судьи Фрейд обращается «в тот момент истории психоанализа, когда символическому авторитету новой институции был брошен вызов изнутри и извне, в момент институционального напряжения, которое сделало Фрейда особенно чувствительным к инаугурационному кризису Шребера»⁴³. Этот кризис – кризис вступления в должность, основания власти, реорганизации символической структуры. Фрейд обращается к случаю Шребера в момент оформления международного психоаналитического института, того самого института, который неизбежно будет вести к символическому разладу. Почему неизбежно? Потому что сама гетерогенная ткань психоаналитической дискурсивности не подчиняется бюрократической нормализации в рамках института. Кризис – в самом его основании, но, впрочем, к Шреберу эта история не относится.

У Шребера свои представления о кризисных временах, и они куда глобальнее, чем учреждение отдельно взятого института. Он понимает, что символический разлад в этом мире отражает разлад на небесах. Причина кризиса в том, что кто-то убил душу, и произошло это в божественных сферах. Кто убил душу, кто ее погубил? Душегуб, разумеется. Убийство души, *Seelenmord*, – причина нарушения Мирового порядка, причина распада символической матрицы. Вторая промышленная революция производит на свет душегуба. Более того, она изначально занята убийством души. Такие слова как душа, психика, дух? утрачивают в новом Мировом порядке какой-либо смысл. Души нет, есть лишь мозг. Система записи в нем работает автоматически, машина письма – это чисто технический аппарат. Вот где отчетливо слышен резонанс со следующей – цифровой – революцией! Обе революции происходят под знаком убийства души, радикальной деспиритуализации. Обе революции свершаются от лица мозга и нейронных сетей; во втором случае, в том, который мы переживаем сегодня, принципиально важно то, что к нейронным сетям добавляются сети компьютерные.

Убийство души Лакан называет центральным феноменом бреда Шребера. Бред и призван хоть как-то остановить распад вселенной в борьбе с душегубами. Бред Шребера «плетет свой узор вокруг творческой силы, приписываемой тем словам, ипостасью которых служат божественные лучи, *Gottestrahlen*»⁴⁴. Божественные лучи – линии коммуникационных передач, связывающие между собой различные пространства, разные нарративы в единую конструкцию. Бред – символически прописанная воображаемая конструкция, представленная в случае Шребера разладом между его собственным я и его нарциссически вынесенной, спроецированной вовне фигурой идеального я, бога, божественного, чудесного. Причина разлада – убийство души.

Шребер и сам не понимает, кому понадобилось убивать душу. Да и что вообще значит, убить душу? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно «отличить душу от всего того, что с ней связано», и это дано не каждому, «а ему, Шреберу, напротив, дано с уверенностью, которая сообщает его свидетельству осязаемую рельефность»⁴⁵. Уверенность – вера в бред, бредовая уверенность, как назовет ее Лакан. Шребер верит в существование души настолько же, насколько и в её убийство, и в существование того, кто способен её погубить.

⁴³ Santner E. *My own Private Germany. Daniel Paul Schreber's Secret History of Modernity*. P. 17.

⁴⁴ Лакан Ж. *О вопросе, предваряющем...* С. 111.

⁴⁵ Лакан Ж. *Семинары. Книга iii. Психозы*. С. 102.

Убийство души сверхдетерминировано. О нем можно говорить с точки зрения исторической, политической, теологической, научно-неврологической, семейной. Понятие убийства души разрабатывалось в той самой третьей главе «Мемуаров нервнобольного», которая содержала детали семейной истории и которая подверглась цензуре. Вероятно, убийство души совершалось не только на небесах, но и на земле, дома. Призрак домашнего жуткого, *unheimliche*, душегуба так и остался призраком. Впрочем, дом и небеса не находятся на разных полюсах. Во всяком случае, события в доме и на небе не могут не влиять друг на друга. Так же как призрак душегуба не может не явиться.

1900 год. Смерть Бога уже объявлена⁴⁶. Кризис власти явлен. Что-то не ладится в символической матрице. О её распаде свидетельствует дискурс Шребера. То ли приближается, то ли наступил Конец света. Как он наступает? У Шребера разные ответы на этот вопрос, разные версии апокалипсиса. Во-первых, Конец света наступает в силу естественно-научных катаклизмов, например таких как отдаление Солнца и глобальное оледенение или землетрясения. Отметим, что в первую очередь апокалипсис – отдаление Солнца. Светило отдаляется, оставляет Землю, покидает её, наступает новый ледниковый период. Землетрясения случаются на глазах духовидцев. Так у Лиссабонского землетрясения 1755 года был свой очевидец-духовидец, подобный Шреберу. Во-вторых, Конец света приходит под маской эпидемии. Это может быть белая, черная, голубая или коричневая чума. Это может быть одна из форм проказы: *Lepra orientalis*, *Lepra indica*, *Lepra hebraica*, *Lepra aegyptica*. В-третьих, Конец света наступает в результате морального падения, падения авторитета. Авторитет падает, человеческий род загнивает, и Бог род этот уничтожает, весь за исключением Шребера. Шребер – единственный, кто выживает, он – избранный, и в этой исключительности пережившего апокалипсис, его свидетеля, Элиас Канетти усматривает признак паранойи как болезни власти. Шребер

хочет быть единственным живым посреди гигантского поля трупов <...

> это ведь глубинное стремление каждого идеального властителя – стать последним из оставшихся в живых. Властитель посылает людей на смерть, чтобы смерть пощадила его самого, он старается перевести её на других. Смерть других ему не просто безразлична: он старается превратить её в массовое явление. Особенно он склонен прибегать к этой радикальной мере, когда колеблется его власть над живыми. Если он ощутил угрозу своей власти, то желания видеть мертвыми всех перед собой не смирить никакими рациональными соображениями⁴⁷.

Конец света – итог распада человечества, его морального разложения, избыточного сладострастия и охватившей человека нервозности. Такова основная причина апокалипсиса, согласно судье Шреберу. Конец света – распад символической матрицы. Гниение, сладострастие, нервозность – всё это начинает угрожать чистоте божественных нервов, и тогда Бог прибегает к решительным мерам – насыщает эпидемию, уничтожая человечество на всей планете. После Конца света необходимо восстановить Мировой порядок, и в этом как раз заключается миссия Даниэля Пауля Шребера, сочетающего эсхатологический дискурс Конца света, конца времен с мессианским временем конца. Шребер должен пережить время конца и учредить Мировой порядок.

Восстановить Мировой порядок – наладить ход времени. Шребер хорошо помнит тот судьбоносный в истории человечества день, когда он узнал, что течение «Мировых часов» истекает⁴⁸; и в этот же момент на его тело обрушился невероятный поток лучей, осветив величием

⁴⁶ См.: Ницше Ф. (1882). *Веселая наука*.

⁴⁷ Канетти Э. *Масса и власть*. С. 541.

⁴⁸ Выражение *Ablauf der Weltuhren* можно перевести и как течение мирового времени, и как истечение мирового времени, и как ход, и как окончание.

все вокруг. Шребер – очевидец эсхатологического триумфа. Он – свидетель работы «Мировых часов».

Авторитет отца падает, закон гниет, ход времени нарушается, матрица человеческого рода распадается. Шребер переживает Конец света. Он переживает ту радикальную трансформацию, которую претерпевает в конце XIX – начале XX века на земле человечество. Теперь уже точно мир никогда не будет таким, как раньше. Теперь «вместо Ланселота мы имеем президента Шребера»⁴⁹. Судья Шребер – не только продукт работы научно-дисциплинарного механизма нормализации, но и симптом перехода от одного мирового порядка к другому: находясь на рубеже XIX и XX веков, он то и дело обращается к Средним векам, к рыцарским временам, где он ищет и находит свою генеалогию, свои линии наследования, свои воображаемые статусы. Шребер – духовидец, *der Geisterseher*, он созерцает историю человечества и, путешествуя во времени, говорит о «святых временах» и «несвятых временах». Чем отличаются святые времена? Например, времена Орлеанской девы, крестоносцев, отправляющихся на поиски Копья Лонгина, или времена императора Константина – «святые», потому что во всех этих случаях, как уверяет судья Шребер, «была установлена действенная временная связь с лучами»⁵⁰. В наступившие затем «несвятые времена» коммуникация с божественными лучами дана только одному человеку, духовидцу, рыцарю духовности Даниэлю Паулю Шреберу. Судья Шребер призван вести священную борьбу за обретение человечеством высшего блага, вечного блаженства.

Судья Шребер занимает в истории место прославленного рыцаря Круглого стола. Впрочем, он живет в те времена, когда на смену рыцарству пришла паранойя. Мир меняется, меняются его координаты, пространство, время, система регистрации-записи, средства связи, машина влияния, способ производства наслаждения... Время апокалипсиса – время судьи Шребера. Он – не просто его очевидец, он переживает вновь и вновь этот конец. Что может быть кошмарнее нескончаемого Конца света?!

---

⁴⁹ Фуко М. *Надзирать и наказывать*. М.: Ad Marginem, 1999. С. 283. Фуко упоминает Ланселота и Шребера в связи с переходом «от историко-ритуальных механизмов формирования индивидуальности к научно-дисциплинарным механизмам, когда нормальное взяло верх над наследственным, а измерение – над статусом» (там же).

⁵⁰ Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. S. 58.

5. Завещание Шребера

В Открытом письме Флексигу Шребер призывает доктора поддержать его, чтобы его история обрела «всеобщее доверие и была бы немедленно рассмотрена в качестве *серьезной научной проблемы*, которую следует изучать всеми возможными способами»⁵¹. Шребер завещает свою исповедь двум властным дискурсам – научному и религиозному: «компетентное изучение моего тела и превратностей моей судьбы еще при жизни могло бы принести пользу науке и способствовать постижению религиозных истин»⁵². Шребер надеется, что его «Мемуары» послужат науке и религии еще при жизни. Он рассчитывает на то, что его книгу будут изучать теологи и философы. Так и будет. И не только теологи и философы будут изучать наследие Шребера, но и лингвисты, медиатеоретики, юристы, германисты, психиатры и психоаналитики. Уже в ххi веке Шребер оказывается героем театральных постановок, радиопьес, фильмов, романов и научных исследований.

Шребер готов предоставить всевозможным экспертам в качестве свидетельства своих переживаний не только свою книгу, но и свое тело. Он готов предоставить его для исследования в любой момент, он ведь видит, что органицистский, патологоанатомический взгляд доктора Флексига далек от понимания. Более того, судья Шребер предлагает воспользоваться для изучения его тела рентгеновскими лучами, притом что они были открыты всего лишь несколько лет назад⁵³. Лучи позволяют увидеть невидимое, и кому как не Даниэлю Паулю быть знакомым с всепроницающими лучами. Лучи должны обнародовать внутреннее устройство тела, ведь «господа эксперты знакомы лишь, я бы сказал, с патологической оболочкой, которая скрывает мою подлинную духовную жизнь»⁵⁴. Истина Шребера доступна лучам, божественным и рентгеновским, сверхъестественным и научным.

Поскольку истины, открывшиеся Шреберу, невозможно передать на обыденном языке, поскольку истины эти превосходят способы выражения, доступные человеческому языку, то автор «Мемуаров» не рассчитывает на то, что будет понят целиком и полностью. Не всё будет понято. Истина в его письме *не-вся*. Шребер осознает, что он – «всего лишь человек и, стало быть, ограничен рамками человеческого понимания»⁵⁵. Понимание происходящего, конечно же, необходимо, но оно не может исчерпать переживания и оно остается пониманием *человека*.

Да, Даниэль Пауль Шребер – всего лишь человек, но человек он не совсем обычный. Он – тот, кто находится на постоянной связи с Богом, *Verkehr mit Gott*. Непокколебимой истиной называет Шребер то, что «Бог ежедневно и ежечасно заново обнаруживает себя в речах голов и в чудесах»⁵⁶. Причем то, что Бог *вновь* обнаруживается, проявляется, *offenbart*, в открытии, следует понимать не в обычном смысле слова, подразумевающим, что Бог является по своей доброй воле, нет, «знание о Его существовании и Его могуществе открывается мне *независимо от Его воли и не в связи с какой-то преследуемой Им целью*, а через чудеса, которые Он приводит в действие, и через голоса, которыми Он говорит со мной»⁵⁷. Даниэль Пауль Шре-

⁵¹ Schreber D. P. *Offener Brief an Herrn Geh. Rath Prof. Dr. Flechsig* // D. P. Schreber. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2003. S. ix.

⁵² Ibid. S. v.

⁵³ Вильгельм Конрад Рёнтген, экспериментируя с катодными лучами, совершил свое открытие в ноябре 1895 года и в конце декабря сделал первое о нем сообщение в Физическом институте Вюрцбургского университета. Шребер предлагает использовать рентгеновские лучи 23 июля 1901 года. Он надеется, что таким образом будут выявлены нервы сладострастия, существование которых наука отрицает, также как отрицает она совершенно разное распределение наслаждения по женскому и мужскому телам.

⁵⁴ Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. S. 297.

⁵⁵ Schreber D. P. *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*. S. 1.

⁵⁶ Ibid. S. 257.

⁵⁷ Ibid. S. 257–258.

бер полагает, что лучшим свидетельством его связи, тео-теле-коммуникации с Богом была бы фотографическая запись, но, увы, её не сделать:

Если бы было возможно сделать фотографическое изображение разыгрывающихся в моей голове процессов, сияющих движений *приходящих с горизонта лучей*, иногда очень медленных, иногда – когда они движутся с гигантского расстояния – невероятно быстрых, тогда у наблюдателя определенно рассеялись бы все сомнения на счет моей связи с Богом⁵⁸.

Увы, фотография происходящих в голове процессов невозможна, даже если она уже пятьдесят лет как применяется в психиатрии. Медиум этот годится, увы, для регистрации внешних признаков, но никак не для свидетельства внутренних переживаний: для каталога поз, которые составляет Жан Мартен Шарко в парижском Сальпетриере, или для каталога преступных лиц, которым занимается Чезаре Ломброзо в психиатрической больнице в Турине. Фотографическая запись остается мечтой Даниэля Пауля. Не стала бы свидетельством и томография мозга. Система записи нервно-лучевой телекоммуникации *этими* техническими средствами не регистрируется. Увы, никак не запечатлеть поступающие по линиям лучевых передач сигналы, ни сверхскоростные, ни медленные.

Вопрос теле-, расстояния, дистанции, приближения и отдаления Бога, притяжения и отталкивания принципиален для Шребера. Иначе говоря, паранойяльный психоз предполагает в первую очередь именно реорганизацию пространства. Понятия близкий и далекий в этом пространстве никак не фиксируются, и потому особое значение играет телекоммуникация, связь на расстоянии, связь с удаленным. Связь с Богом, с Флексигом и другими действующими лицами системы Шребера – связь удаления-приближения.

Когда Бог отдаляется, Шребер страдает. Когда Бог приближается, Шребер страдает. Божественные чудеса опасны, сколь бы далеким ни было то расстояние, с которого они производятся. Машина влияния воздействует на мысли, на нервы, на тело с любой дистанции. Бог где-то далеко-далеко, и он прямо здесь. Из глубин души Даниэля Пауля Шребера вот-вот вырвется фраза Мейстера Экхарта: «Я молю Бога, чтобы он сделал меня свободным от Бога».

---

⁵⁸ Ibid. S. 256.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.